

И. Х. Саксонова

ОНИРБ — ОБИК И ЕГО РУКОВОДИТЕЛЬ

Я познакомилась с Цилией Иосифовной, вернее, встретила с ней в конце августа — начале сентября 1968 г. Я тогда пришла работать в Публичку, точнее, меня по особому случаю (начальница отдела кадров была знакома с моей мамой) взяли в привилегированный, чего я опять же не понимала тогда, Отдел научной-информационной и рекомендательной библиографии. Только-только состоялось размежевание единого отдела на три самостоятельных, одним из которых и стал ОНИРБ. Все размещались по новому в прежних комнатах, где-то еще шел ремонт, люди приходили из летних отпусков, перетаскивали столы и свои ящики с картотеками. Словом, обычная и одновременно непонятная суeta шла на пятом этаже здания по Садовой, 18. В первые дни я, ничего не понимая, пыталась найти в таинственных лабиринтах библиотеки пути-дороги в фонды, отделы и столовую. Все сливалось, было не до того, чтобы различать отдельных сотрудников, тем более что все они что-то мне приказывали, о чем-то просили, что-то поручали, а я вместе с еще двумя, более опытными так называемыми «девочками», официально именуемыми младшими библиотекарями, старались все успеть сделать.

Примерно через две недели такой суеты все «устаканилось», нам, «девочкам», окончательно выделили постоянные места в кабинете заведующей отделом, которой и оказалась Цилия Иосифовна. Я и раньше замечала эту, по моему тогдашнему мнению, странноватую женщину, которая мягко, но уверенно разговаривала с остальными сотрудниками, о чем-то с ними спорила, настаивала на своем, ей возражали или соглашались. Но все это было столь не похоже на начальственный стиль, как я это тогда понимала, что новость о том, что именно она и есть «заведующая ОНИРБ Ц. И. Грин», как было написано на прибитой к двери табличке, меня ошарашила. В этой комнате мы и просидели рядом больше двадцати лет.

Пошли рабочие будни... Приходить надо было не позже девяти часов, иначе табельщица, знаменитая и непреклонная Сима, запирала на замок специальную доску, куда мы вешали свои металлические номерки, и вырывать их приходилось из отдела кадров, объясняя опоздание известными всем начальникам причинами. То же происходило вечером, в 17.30, ровно в это время и ни минутой ранее, Сима снимала замок, и можно было снять все те же многострадальные номерочки, по которым отмечали наше присутствие в библиотеке.

В первое время нашей совместной жизни в комнате № 112 все мысли мои были направлены лишь на то, чтобы сделать все как надо и вовремя, но постепенно моя любознательность, мое любопытство, моя любовь к чтению, возможность смотреть, носить из фондов в комнаты и обратно такие книги, о которых я раньше если и слышала, то даже и не мечтала когда-нибудь держать их в руках, делали свое «черное» дело. Все чаще я задерживала на столе так называемую сдачу, все чаще стояла у стеллажей в фондах, держа и лихорадочно перелистывая интересную книгу или старинный журнал. А уж после того, как моя, в дальнейшем многолетняя наставница и соавтор, О. С. Острой привлекла меня к просмотру и расписыванию каталогов музеев, удержаться в рамках старательного выполнения чужих заданий было просто невыносимо.

За эти годы нашими соседями в комнате по разным причинам оказывались и другие сотрудники Отдела. Особо хочется выделить годы, когда в комнате работала Мария Васильевна Машкова. Сама по себе человек незаурядный, в общении с Цилией

Иосифовной она расцветала, слушать их разговоры, даже споры (не всегда сугубо служебные) было удовольствием и одновременно «университетами» для меня.

И все это время не только я наблюдала людей, постоянно входящих и выходящих из нашей комнаты, — кто по делу, кто просто так, поболтать, но и меня не менее тщательно разглядывали (незаметно и деликатно), а самое главное — столь же незаметно «образовывали» и «преображали». Самим фактом своей привычной жизни Цилия Иосифовна давала незабываемые уроки.

Я слушала вполуха все, что говорилось в этой комнате, и — незаметно для самой себя — образовывалась в столь разных областях знаний и умений, что даже не замечала этого, считая само собой разумеющимся.

Разговоры про «политику» и «голоса» — ведь столько лет утро начиналось и с этих волнующих новостей. Цилия Иосифовна была очень осторожным человеком, жизнь выучила, ведь позади были знаменитые чистки сороковых — начала пятидесятых годов. Она сознательно не читала самиздат, не слушала «голоса», но куда деваться от своих же сотрудников, спешивших сообщить все прочитанные и услышанные новости.

Сотрудники же в Отделе были людьми далеко не типичными для «тихой гавани», какой считали Публичку незнакомые с ней. Здесь работали специалисты-отраслевники — филологи, историки, искусствоведы, юристы и другие ученые — люди блестящей эрудиции, глубоких знаний и высокой квалификации. Я говорю о таких людях, как В. Э. Боград, Б. Л. Кандель, Э. Э. Найдич, Е. М. Тепер, О. С. Острой, И. В. Сахаров, В. М. Алексеев, о пришедших позднее В. Е. Кельнере, А. П. Раскине, возможно были и другие, о жизни которых до Библиотеки мне неизвестно. К ним «в гости» приходили знакомые им читатели Библиотеки, люди фантастических биографий и не менее разнообразных знаний. Даже жуткие политинформации, о которых в других отделах вспоминают с дрожью, в нашем — зачастую превращались в интереснейшие лекции приглашенных специалистов из разнообразных НИИ.

Все мы оказались под крылом «мамы Цилии», которая опекала, защищала, не давала мелким неурядицам перерасти в крупные склоки. Как выяснилось много позднее, наш Отдел был чуть ли не единственным, в котором все проблемы решались внутри, не прибегая к помощи дирекции и парткома.

Цилия Иосифовна старательно защищала своих сотрудников, но трагические события не обошли и наш отдел: осенью 1979 г. в библиотеке проходила своеобразная чистка, в результате которой были уволены (как говорили — отправлены на пенсию) ученые мирового уровня. В числе их оказался и В. Э. Боград. Расставание с ним было особенно тяжелым, т. к. он был не просто сотрудником, но в каком-то смысле интеллектуальным центром отдела. Для Цилии Иосифовны это увольнение было трагичным вдвойне, ей пришлось делать выбор между близкими по духу людьми. За несколько лет до этого она уже стояла перед подобной дилеммой: так называемые отъезжанты, т. е. люди, собирающиеся эмигрировать, должны были быть ошельмованы на собраниях коллектива. Племянница ее давнишней подруги С. А. Нейотиной была среди этих кандидатур, и Цилия Иосифовна на несколько лет осталась в одиночестве. Обе они, Цилия Иосифовна и Саломея Абрамовна, не могли кривить душой и продолжать прежние отношения за стенами Публички. Я видела всю эту ситуацию не со стороны, объяснения и разрыв проходили на моих глазах, и горе Цилии Иосифовны было неподдельным. Для самой себя она пыталась находить оправдания в том, что за ней стоят больше тридцати человек, которым она должна оставаться по-прежнему «мамой Цилий», она и только она может отстоять этот уникальный коллектив.

У меня перед глазами до сих пор ее неумная энергия, ее мельком брошенные слова — типа: «Сейчас я сбегаю в ЦСБ и посмотрю в...; Да это же в...; Нет, Фаня, это вовсе не в этом томе...; Вы не помните? А, впрочем, я сейчас посмотрю у Брокгауза...» И на просьбы подождать, скоро принесут из фонда, ну в крайнем случае завтра — слышать: «Да я просто не могу сидеть на месте, если не узнаю, и вообще — ну что такого трудного сбежать за справкой?»

Благодаря таким ее занятиям и я узнавала о том, кто такие Н. Ф. Даниельсон и Г. А. Лопатин, какие пометы делал В. И. Ленин на библиотечных книгах, мимоходом, выполняя ее поручения, я знакомилась с коллекциями различных фондов, узнавала историю Публички. И все это незаметно для самой себя. Тактичность Цилии Иосифовны, столь не свойственная обычным начальникам, проявлялась и в таких мелочах, как реакция на «ябедничество» некоторых занудных сотрудников, имена которых не хочется упоминать здесь. Она бочком входила в кабинет библиотековедения и робко говорила мне, что читать в рабочее время газеты нехорошо. А я по молодости и глупости выпендривалась и что-то непокорное отвечала.

Обязательные ежеутренние звонки сестре Мане, племяннице Броне, — что Толя, как чувствуют себя они сами... — Так я училась звонить своим старикам — регулярно, без причины и повода. Волнения и переживания из-за проблем с врачами и болезнями, — ничто не мешало Цилии Иосифовне встречать нас в девять и оставаться в комнате после нашего ухода.

Ее верность подругам, живущим в Ленинграде и в далеком Казахстане. Огромные письма, которые она регулярно писала в Усть-Каменогорск Э. З. Юфе. Не знаю, что стало с ответными письмами, но после смерти Эллы Зиновьевны, по завещанию, вместе с остальной перепиской были сожжены и письма Цилии Иосифовны.

Тактичность и деликатность Цилии Иосифовны иногда доходила до комизма: мы часто вспоминаем, как она пыталась воспитывать хулиганистого кота Шмендрика, возмущенно помахивая у него перед носом беленькой салфеткой. (Этот уличный котенок, превратившийся в роскошного барина, пережил свою хозяйку лет на семь, благодаря ее дальним родственникам Элле Израилевне и Володе, приютившим его в своей коммуналке).

Много раз Цилия Иосифовна порывалась уйти на пенсию, но никто, в том числе и дирекция, не отпускал ее. Все три директора, которые ею «руководили», — В. М. Барашенков, Л. А. Шилов, В. Н. Зайцев — прекрасно понимали незаменимость такого специалиста для Публички. Несколько лет в отделе лежали приготовленные для нее подарки, которые мы смогли вручить со слезами лишь в 1990 г. Но в 1991 г. мы снова плакали, на сей раз от счастья, наша Цилия Иосифовна вернулась, и теперь окончательно. Она проработала в отделе до самой смерти в 2004 г., уже не заведующей, мы больше не сидели в одной комнате, но ничто и никто не покушался на ее моральный авторитет, ее творческие силы оставались с ней до последнего.

Когда в отделе узнали о болезни Цилии Иосифовны, все пытались скрасить ее жизнь. И здесь нельзя не вспомнить доброту и заботу сотрудника ОБиК Юрия Анатольевича Кузьмина, который случайно узнал о том, что она мечтает в последний раз побывать в любимых местах родной Коломны, но сил для такой прогулки уже нет. Он осуществил ее мечту. Был солнечный теплый день ранней осени или конца лета. Часа три Цилия Иосифовна каталась на автомобиле, выходила в особо памятных ей местах, потом снова машина кружила по знакомым с детства улицам и площадям. А какой у нее был счастливый вид, когда на Стрелке Васильевского острова она прогулялась немного по набережной, посмотрела на Неву, Петропавловку, Эрмитаж!

Ее мужество в решении не предпринимать бесполезных усилий для борьбы со смертельной болезнью, благородство ее ухода из жизни настолько поразили меня, что и спустя десять лет я часто вспоминаю этот уникальный образец истинного аристократизма простой интеллигентной сотрудницы Библиотеки.